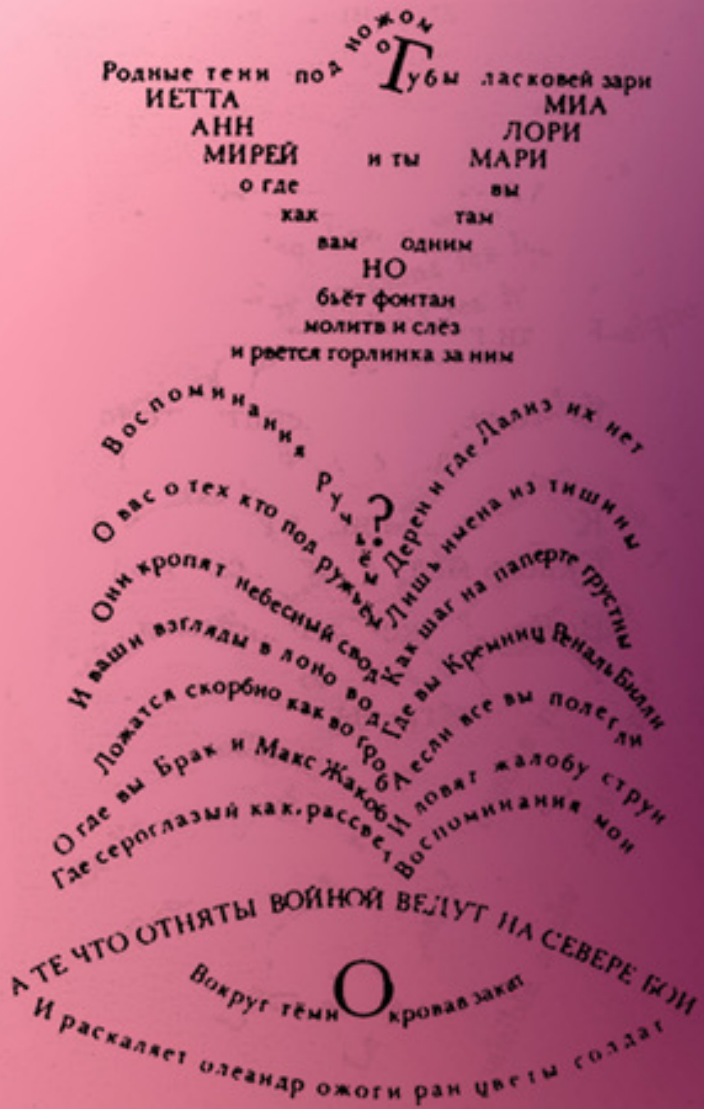
ВС
МУЗИЧНЕ ВИДАВНИЦТВО СТРЕЛЬНИЦЬКОГО

Гийом Аполлинер



Стихотворения

Гийом Аполлинер

Стихотворения

«ИП Стрельбицкий»

Аполлинер Г.

Стихотворения / Г. Аполлинер — «ИП Стрельбицкий»,

ISBN 978-5-457-24747-5

Гийом Аполлинер — всесторонне талантливый литератор, родоначальник «нового лирического сознания», пришедшего на смену классической французской поэзии. Именно из его уст впервые прозвучал термин «сюрреализм», подхваченный затем пишущей братией и ставший названием одного из направлений в искусстве. Интересы Аполлинера не ограничивались поэтическим творчеством: его перу также принадлежат работы по теории искусства и истории литературы, драмы и притчи. Лирика Аполлинера — это постоянный поиск новых форм, нестандартных решений, метких фраз и оригинальных композиций.

ISBN 978-5-457-24747-5

© Аполлинер Г.
© ИП Стрельбицкий

Содержание

Зона 5
МОСТ МИРАБО[11] 13
ИЗ «ПЕСНИ ЗЛОСЧАСТНОГО В ЛЮБВИ»[12] 14
БЕЗВРЕМЕННИК 19
ДВОРЕЦ 20
СУМЕРКИ 22
АННИ[22] 23
КЛОТИЛЬДА 24
МАРИЗИБИЛЬ[24] 25
МАРИ[25] 26
БЕЛЫЙ СНЕГ 27
СТИХИ, ПРОЧИТАННЫЕ НА СВАДЬБЕ АНДРЕ САЛЬМОНА[26] 13 ИЮЛЯ 1909 Г 28
ПРОЩАНИЕ 30
МЕРЛИН И СТАРУХА[27] 31
Конец ознакомительного фрагмента. 33

Гийом Аполлинер
Стихотворения

Зона

Тебе в обрюзгшем мире стало душно
Пастушка Эйфелева башня о послушай
Стада мостов мычат послушно

Тебе постыл и древний Рим и древняя Эллада
Здесь и автомобиль старей чем Илиада

И лишь религия не устарела до сих пор
Прямолинейна как аэропорт

В Европе только христианство современно
Моложе Папа Пий любого супермена[1]

А ты сгораешь от стыда под строгим взглядом окон
И в церковь не войдешь под их бессонным оком

Читаешь натощак каталоги проспекты горластые афиши и буклеты
Вот вся поэзия с утра для тех кто любит прозу есть газеты

Журнальчики за 25 сантимов и выпуски дешевых детективов
И похожденья звезд и прочее чтиво

Я видел утром улочку не помню точно где
На ней играло солнце как на новенькой трубе

Там с понедельника до вечера субботы
Идут трудяги на работу и с работы

[1] *Моложе Папа Пий любого супермена* – имеется в виду папа римский Пий X (Джузеппе Сарго, 1835–1914), глава католической церкви с 1903 г., прославившийся своей последовательной борьбой с религиозным модернизмом.

Директора рабочие конторские красотки
Спешат туда-сюда четыре раза в сутки

Три раза стонет по утрам гудок со сна
И злобно рявкает ревун в двенадцать дня

Пестрят на стенах объявленья и призывы
Как попугаи ярки и крикливы

Мне дорог этот заводской тупик затерянный в Париже
У Авеню де Терн к Омон-Тьевиль поближе

Вот крошка-улица и ты еще подросток
За ручку с мамой ходишь в курточке матросской

Ты очень набожен с Рене Дализом[2] в пылкой дружбе
Вы оба влюблены в обряд церковной службы

Тайком поднявшись в девять в спальне газ чуть брезжит
Вы молитесь всю ночь в часовенке коллежа

Покуда в сумрак аметистового неба
Плывет сияние Христова нимба

Живая лилия людской премудрости
Неугасимый факел рыжекудрый

Тщедушный сын страдалицы Мадонны
Людских молений куст вечнозеленый

Бессмертия и жертвы воплощение
Шестиконечная звезда священная
Бог снятый в пятницу с креста воскресший в воскресенье

[2] *Дализ, Рене (наст, имя Рене Дюпюи, 1879–1917)* – друг детства Аполлинера, морской офицер, впоследствии журналист и писатель. Аполлинер высоко ценил его литературный талант. Получив известие о гибели Дализа на фронте, Аполлинер откликнулся на это известие большой статьей, в которой, в частности, вспоминал об их детской дружбе, начавшейся в 1892 г., в шестом классе коллежа Сен-Шарль в Монако, где они «все уроки проводили за игрой в солдатики» (III, 256). Памяти «самого давнего», как он неоднократно подчеркивал, из своих друзей, Аполлинер посвятил книгу стихов «Каллиграммы».

Взмывает в небо Иисус Христос на зависть всем пилотам
И побивает мировой рекорд по скоростным полетам

Зеница века зрак Христов
Взгляд двадцати веков воздетый вверх
И птицей как Христос взмывает в небо век

Глазеют черти рот раскрыв из преисподней
Они еще волхвов из Иудеи помнят[3]

Кричат не летчик он налетчик он и баста
И вьются ангелы вокруг воздушного гимнаста

Какой на небесах переполох
Икар Илья – Пророк Енох[4]
В почетном карауле сбились с ног

Но расступаются с почтеньем надлежащим
Пред иереем со святым причастьем

Сел самолет и по земле бежит раскинув крылья
И сотни ласточек как тучи небо скрыли

Орлы и ястребы стрелой несутся мимо
Из Африки летят за марабу фламинго

А птица Рок[5] любимица пиитов
Играет черепом Адама и парит с ним

Мчат из Америки гурьбой колибри-крошки

[3] *Они еще волхвов из Иудеи помнят* – в оригинале речь идет о Симоне Волхве, который со времен первых христиан считался родоначальником всех ересей в церкви. По одному из преданий, чародей Симон Волхв, вступив в единоборство с апостолом Петром, решил повторить Воскресение и бросился на землю с высокой башни, уповая на то, что демоны его поймают. Однако Петр приказал им отступиться, и самозванец разбился насмерть.

[4] *Икар Илья – пророк Енох* – вместе с Икаром Аполлинер упоминает еще двух легендарных личностей, которые вознеслись на небеса: библейских пророков Илью (Илию) и Еноха.

[5] *Птица Рок (Рох, Рух)* – в арабских сказках «Тысяча и одной ночи» волшебная птица гигантских размеров, которая кормит своих птенцов слонами.

И камнем падает с ужасным криком коршун

Изящные пи-и[6] из дальнего Китая
Обнявшись кружат парами летая

И Голубь Дух Святой скользит в струе эфира
А рядом радужный павлин и птица-лира

Бессмертный Феникс возродясь из пекла
Все осыпает раскаленным пеплом

И три сирены реют с дивным пеньем
Покинув остров в смертоносной пене

И хором Феникс и пи-и чья родина в Китае
Приветствуют железного собрата в стае

Теперь в Париже ты бредешь в толпе один сам-друг
Стада автобусов мычат и мчат вокруг

Тоска тебя кольцом сжимает ледяным
Как будто никогда не будешь ты любим

Ты б в прошлом веке мог в монастыре укрыться
Теперь неловко нам и совестно молиться

Смеешься над собой и смех твой адский пламень
И жизнь твоя в огне как в золоченой раме

Висит картина в сумрачном музее
И ты стоишь и на нее глазеешь

Ты вновь в Париже не забыть заката кровь на женских лицах
Агонию любви и красоты я видел сам на площадях столицы

[6] *Пи-и* – однокрылые птицы, персонаж китайского фольклора; самки и самцы летают, срастаясь попарно.

Взгляд Богоматери меня испепелил в соборе Шартра[7]
Кровь Сердца Иисусова меня ожгла лиясь с холма Монмартра[8]

Я болен парой слов обмолвкой в нежном вздоре
Страдаю от любви как от постыдной хвори

В бреду и бдении твой лик отводит гибель
Как боль с тобой он неразлучен где б ты ни был

Вот ты на Средиземноморском побережье
В тени цветущего лимона нежишься

Тебя катают в лодке парни с юга
Приятель из Ментоны друг из Ниццы и из Ла Турби два друга

Ты на гигантских спрутов смотришь с дрожью
На крабов на иконописных рыб и прочих тварей божьих

Ты на террасе кабачка в предместье Праги
Ты счастлив роза пред тобой и лист бумаги

И ты следишь забыв продолжить строчку прозы
Как дремлет пьяный шмель пробравшись в сердце розы

Ты умер от тоски но ожил вновь в камнях Святого Витта[9]
Как Лазарь[10] ты ослеп от солнечного света

И стрелки на часах еврейского квартала
Вспять поползли и прошлое настало

---

[7] *Шартр* – пригород Парижа, знаменитый своим средневековым собором Богоматери (Нотр-Дам).

[8] *Кровь Сердца Иисусова меня ожгла лиясь с холма Монмартра* – в конце XIX в. на Монмартре была построена знаменитая ныне базилика Сакре-Кер (Святого Сердца Христа): согласно католической легенде, сердце Иисуса, пробитое копьем во время распятия, вечно кровоточит за человеческий род.

[9] *...в камнях Святого Витта* – речь идет о соборе Святого Витта в Праге, который Аполлинер посетил в 1902 г. Эпизод, когда в рисунке одного из драгоценных камней, украшающих стены часовни в этом соборе, он разглядел, как ему показалось, свое лицо, описан в его рассказе «Пражский прохожий».

[10] *Лазарь* – по библейской легенде, Лазарь был воскрешен Иисусом через четыре дня после погребения (Иоан. 11, 34–44).

В свое былое ты забрел нечаянно
Под вечер поднимаясь на Градчаны

В корчме поют по-чешски под сурдинку
В Марселе средь арбузов ты идешь по рынку

Ты в Кобленце в Отеле дю Жеан известном во всем мире
Ты под японской мушмулой сидишь в тенечке в Риме

Ты в Амстердаме от девицы без ума хотя она страшна как черт
Какой-то лейденский студент с ней обручен

За комнату почасовая такса
Я так провел три дня и в Гауда смотался

В Париже ты под следствием один
Сидишь в тюрьме как жалкий вор картин

Ты ездил видел свет успех и горе знал
Но лжи не замечал и годы не считал

Как в двадцать в тридцать лет ты от любви страдал
Я как безумец жил и время промотал

С испугом взгляд от рук отводишь ты незряче
Над этим страхом над тобой любимая я плачу

Ты на несчастных эмигрантов смотришь с грустью
Мужчины молятся а матери младенцев кормят грудью

Во все углы вокзала Сен-Лазар впитался кислый дух
Но как волхвы вслед за своей звездой они идут

Мечтая в Аргентине отыскать златые горы
И наскоро разбогатев домой вернуться гордо

Над красным тюфяком хлопочет все семейство

Вы так не бережете ваше сердце

Не расстаются с бурою периной
Как со своей мечтой наивной

Иные так и проживут свой век короткий
Ютясь на Рю Декуф Рю де Розье в каморках

Бродя по вечерам я их частенько вижу
Стоящих на углах как пешки неподвижно

В убогих лавочках за приоткрытой дверью
Сидят безмолвно в париках еврейки

Ты в грязном баре перед стойкою немытой
Пьешь кофе за два су с каким-то горемыкой

Ты в шумном ресторане поздней ночью
Здесь женщины не злы их всех заботы точат

И каждая подзаработать хочет а та что всех
страшней любовника морочит

Ее отец сержант на островочке Джерси
А руки в цыпках длинные как жерди

Живот бедняжки искорежен шрамом грубым
Я содрогаюсь и ее целую в губы

Ты вновь один уже светло на площади
На улицах гремят бидонами молочницы

Ночь удаляется гулящей негритянкой
Фердиной шалой Леа оторванкой

Ты водку пьешь и жгуч как годы алкоголь
Жизнь залпом пьешь как спирт и жжет тебя огонь

В Отей шатаясь ты бредешь по городу
Упасть уснуть среди своих божков топорных

Ты собирал их долго год за годом божков Гвинеи или Океании
Богов чужих надежд и чаяний

Прощай Прощайте
Солнцу перерезали горло

МОСТ МИРАБО[11]

Мост Мирабо минуют волны Сены
И дни любви
Но помню я смиренно
Что радость горю шла всегда на смену

Пусть бьют часы приходит ночь
Я остаюсь дни мчатся прочь

Лицом к лицу постой еще со мною
Мост наших рук
Простерся над рекою
От глаз людских не знающей покою

Пусть бьют часы приходит ночь
Я остаюсь дни мчатся прочь

Любовь уходит как вода разлива
Любовь уходит
Жизнь нетороплива
О как Надежда вдруг нетерпелива

Пусть бьют часы приходит ночь
Я остаюсь дни мчатся прочь

Так день за днем текут без перемены
Их не вернуть
Плывут как клочья пены
Мост Мирабо минуют волны Сены

Пусть бьют часы приходит ночь
Я остаюсь дни мчатся прочь

[11] Подборка параллельных переводов этого знаменитого стихотворения Аполлинера впервые появилась в рубрике «Вглубь стихотворения» в журнале «Иностранная литература» (1998, № 4).

ИЗ «ПЕСНИ ЗЛОСЧАСТНОГО В ЛЮБВИ»[12]

* * *

Всем ручейкам молочным Ханаана[13]
О Млечный путь ты светозарный брат
Ты курс нам указуешь постоянно
К туманностям куда сквозь звездопад
Летят тела возлюбленных слиянно

Достойная пантеры красота
Взгляд шлюхи с сожаленьем и мольбою
Моя великолепная тогда
Мне чудилось что даже над судьбою
Всевластны эти горькие уста

Дорожки оставляли ее взгляды
Как по ночам следы падучих звезд
В ее глазницах плавали наяды
И наших фей печалили до слез
Лобзанья где пылало пламя ада

Но все равно живу я и теперь
Надеждою одной на нашу встречу
И на мосту Вернувшихся потерь
Я на ее приветствие отвечу
Любимая я рад тебе поверь

Пустеют сердца и ума сосуды
Как из бочонков Данаид вода[14]
Так утекают небеса оттуда
Вернется ль вновь покой и чистота
Как сделать чтоб свершилось это чудо

Я никогда теперь уж не смогу

[12] Цикл из семи стихотворений (в настоящем издании приводятся два из них) впервые был опубликован в 1909 году и вместе с «Рейнскими стихами» явился наиболее значительным поэтическим достижением молодого Аполлинера.

[13] *Ханаан* – в Библии древнее название Палестины, по имени родоначальника первых ее жителей, внука Ноя, Ханаана.

[14] *Как из бочонков Данаид вода* – в греческой мифологии Данаиды, дочери царя Даная, за убийство своих мужей, совершенное по требованию отца, обречены в Аиде бесконечно наполнять водой дырявые сосуды.

Расстаться с нежностью к моей Желанной
К поломанному ветром васильку
Моя голубка берег долгожданный
И гавань на далеком берегу

Колодники с веревками на шее
И фавны и болотные огни
Вторгаются в мое воображенье
Везде меня преследуют они
О Господи какое всесожженье

Меня тоска преследует как рок
Я знаю что душа и тело бренны
Они единорог и козерог
Пугаются тебя огонь священный
Багрово-красный утренний цветок

Несчастье грозный бог со взглядом строгим
Безумными жрецами приодет
А твои жертвы в рубище убогом
Суровый бог рыдали или нет
Так пусть Беда для нас не будет богом

Змеей струишься ты за мной в пыли
Куда б ни шел как тень ползешь ты сзади
Бог тех богов что в осень полегли
Ты скользким брюхом отмеряешь пяди
По праву отошедшей мне земли

Не позабыла ль ты мою услугу
Что вывел я тебя на свет дневной
Влачишься ты печальная супруга
Как траурная тень всегда за мной
Ведь мы неотделимы друг от друга

В апреле зиму погребли снега
Приветствуя приход поры бесснежной
И в поле и в сады и на луга
Слетелись стаи птиц спешащих нежный
Апрель восславить с каждого сука

Дружинами весны зеленолистой

Армада снега вспять обращена
Весна улыбкой светится лучистой
И к бедным людям благости полна
Их омывает добротою чистой

Размеры сердца так же велики
Как зад почтенной дамы из Дамаска
Но грудь пронзают семь мечей тоски[15]
Прекрасная я весь любовь и ласка
И сердце рвут проклятые клинки

Печали семь мечей о сладость боли
Нашептывает страсть мне чепуху
Мечи мне грудь и сердце распороли
Ну как об этом я забыть смогу
Когда терпенья нет крепиться боле

* * *

Всем ручейкам молочным Ханаана
О Млечный путь ты светозарный брат
Ты курс нам указуешь постоянно
К туманностям куда сквозь звездопад
Летят тела возлюбленных слиянно

Существованьем правит рок слепой
И подчиняясь музыке небесной
Которая звучит сама собой
Всю нашу жизнь танцуем мы над бездной
По воле бесов властных над судьбой

Рок рок существования основа
Всем нам от сумасшедших королей
До лживых дам в пупырышках озноба
Средь утомленных временем полей
Грозит его мучительная злоба

[15] *Но грудь пронзают семь мечей тоски* – по евангельскому преданию, святой старец Симеон Богоприимец, которому было предначертано, что он не умрет, пока не увидит Христа, сказал Марии, когда увидел младенца Иисуса: «И тебе самой оружие пройдет душу, – да откроются помышления многих сердец» (Лука. 2, 35). Эти слова истолковываются как пророчество о скорбях и душевных муках, ожидающих Богородицу. В католицизме они породили иконографический образ Мадонны, чье сердце пронзено семью мечами.

Что делать регент твой удел таков
Ты Луитпольд[16] свое предназначенье
Быть нянькой августейших дураков
Оплакивал ли в сумрачном свеченье
Мерцающих в тумане светляков

У озера стоит дворец огромный
С воды несется пенье рыбака
Хозяйки нет приподнят мост подъемный
Отдавшийся на волю ветерка
Скользит по водной глади лебедь томный

Здесь короля дурной конец постиг
Он утонул у этих стен купаясь
Но выбрался на берег и затих
С тех пор лежит недвижный улыбаясь
Уставив в небо помертвевший лик

Мне лира пальцы жжет твое пыланье
Июньского светила жаркий зной
Я по Парижу мерю расстоянья
Безумство нежное владеет мной
И умирать в Париже нет желанья

Здесь каждый день воскресный удлинен
И тянется легко и монотонно
В дворах шарманок раздается стон
Цветы свисают с каждого балкона
Пизанской башни повторив наклон

Парижский вечер одурел от джина
Сверкая фонарями вдоль хребта
Спешат трамваи с грохотом лавины
Как на линейках нотного листа
Излить на рельсах бешенство машины

Нестройный хор кафе по вечерам
Поет шипеньем всех своих сифонов

[16] *Луитпольд, Карл Иосиф Вильгельм Людвиг (1821–1912)* – принц-регент при двух безумных баварских королях, его племянниках, Людовике II (1845–1886) и Отгоне I (1848–1916). В последующих строфах упоминается эпизод из истории Баварии, долгое время волновавший Аполлинера: Людовик II Баварский тратил огромные деньги на украшение своих дворцов и общался с министрами только через своих слуг; в 1886 г. король был признан душевнобольным и при загадочных обстоятельствах окончил жизнь самоубийством, бросившись в воды Штарнбергского озера.

И песнями веселыми цыган
И голосами хриплыми гарсонов
Ту страсть к тебе что прежде пел я сам

Я знаю что рабы поют муренам[17]
Могу пропеть и лэ[18] для королев
И песнь которая под стать сиренам
И простоватый жалобный напев
И песенку привыкшего к изменам

[17] *Я знаю что рабы поют муренам* – в Древнем Риме богатые рабовладельцы держали мурен, чье мясо очень ценилось, в специальных бассейнах и откармливали их трупами своих рабов.

[18] *Лэ* – культвировавшаяся в средневековой французской поэзии форма небольшого «рассказа в стихах».

БЕЗВРЕМЕННИК

Ядовит но красив луг порою осенней
Отравляется стадо
В умиротворенье

Распустился безвременник синь и лилов
На лугу И глаза твои тех же тонов

В них такая же осень с оттенком обманным
И отравлена жизнь моя этим дурманом

Высыпает из школы ватага ребят
Безрукавки мелькают гармошки гудят

А цветы на лугу словно матери схожи
С дочерьми дочерей и озябли до дрожи

Как под ветром неистовым веки твои
Пастушок напевает в полузабытьи

И мыча навсегда покидают коровы
Луговину в осенней отраве лиловой

ДВОРЕЦ

Максу Жакобу[19]

Рои вечерних дум беспечно-босоноги
К ее владениям бредут порою грез
Ей подарил король высокие чертоги
Нагие как король над взбитой пеной роз

А мыслей-то моих по саду разбрелось
Слоняются трунят над лягушачьим хором
Пленяют кипарис торчащий семафором
И солнце в цветники с небес оборвалось

Стигмат кровавых рук прилип к стеклу как пленка[20]
Что за стрелок упав стрелой пронзил закат
Я выпив кипрских вин под белого ягненка
Запомнил что они камедью чуть горчат

Взобравшись королю на тощие коленки
Разряжена пышна ей-богу самый смак
Розмонда ждет гостей и крошечные зенки
Как изумленный гунн таращит на зевак

Прелестница моя с жемчужно-нежным задом
Ваш жемчуг на глазок признаться тускловат
Кого вам ждать из грез
Что на Восток спешат
Ну а по мне милей попутчиц и не надо

Тук-тук Войдите Свет в прихожей чуть сочится
Ночник блестит во тьме как золотая брошь
Вы головы вот здесь повесьте за косицы
Вечерний блеск небес на блеск иглы похож

В столовой не вздохнуть Нещадное зловонье
Объедки сальных туш прожаренных в печи

[19] *Жакоб, Макс (1876–1944)* – французский поэт и художник; с 1904 г. – один из самых близких друзей Аполлинера.

[20] *Стигмат кровавых рук прилип к стеклу как пленка* – стигматы (ранки на теле) как воображаемые раны Христа появлялись на руках и ногах верующих во время религиозной экзальтации.

Король сегодня сыт от двух яиц в бульоне
Из двадцати супов у трех был цвет мочи

Потом мясную снедь втащили поварята
Филе из мыслей сгнивших у меня в мозгу
Ломти бесплодных грез являвшихся когда-то
Дела минувших дней в подпорченном рагу

А мысли мертвые уже тысячелетья
На вкус пресней чем плоть из мамонтовых туш
По складкам мозжечка в немыслимым балете
Неслись скелеты грез наяривая туш

От блюд вздымался визг мучительный для слуха
Но черт бы их подрал!
Пустое брюхо глухо
И каждый лишь скорей в тарелке добирал

Ах черт возьми! Но как вопили антрекоты
Как верещал паштет хрящи стонали в стон
Где ж языки огня небесной знак заботы
Что б я обрел язык всех стран и всех времен[21]

[21] *Чтоб я обрел язык всех стран и всех времен* – по Евангелию, в день Пятидесятницы Дух Святой сошел на апостолов, вследствие чего они заговорили на разных языках и отправились проповедовать учение Христа. (Деян. 2, 3–4).

СУМЕРКИ

Посвящается мадемуазель Мари Лорансен

В саду где привиденья ждут
Чтоб день угас изнемогая
Раздевшись догола нагая
Глядится Арлекина в пруд

Молочно-белые светила
Мерцают в небе сквозь туман
И сумеречный шарлатан
Здесь вертит всем как заправила

Подмостков бледный властелин
Явившимся из Гарца феям
Волшебникам и чародеям
Поклон отвесил арлекин

И между тем как ловкий малый
Играет сорванной звездой
Повешенный под хриплый вой
Ногами мерно бьет в цимбалы

Слепой баюкает дитя
Проходит лань тропой росистой
И наблюдает карл грустя
Рост арлекина трисмегиста

АННИ[22]

В Техасе на побережье
По дороге на Гальвестон
Есть огромный сад утопающий в розах
И он окружает со всех сторон
Виллу что схожа с огромною розой

Когда мне случается мимо идти по дороге
За оградой я женщину вижу она
В саду неизменно гуляет одна
И мы глядим друг на друга

Она менонитка[23] и носит упрямо
Одежду без пуговиц таков ритуал
Две штуки и я с пиджака потерял
Единоверцы мы с этою дамой

[22] Аполлинер никогда не был в Америке, и это стихотворение – плод поэтического вымысла, рожденного разлукой с Анни Плейден.

[23] *Она менонитка…* (правильнее – меннонитка) – т. е. последовательница одного из течений в протестантизме (по имени основателя секты Симониса Менно, 1496–1561), на членов которого налагаются значительные религиозные запреты.

КЛОТИЛЬДА

Анемоны с водосбором
Расцвели в саду где спит
Меж любовью и раздором
Грусть без горечи и обид

Там блуждают наши тени
Скоро их рассеет ночь
День с игрою светотени
Вслед за ними исчезнет прочь

Родниковые наяды
Расплели за прядью прядь
Но спеши тебе же надо
Тень прекрасную догонять

МАРИЗИБИЛЬ[24]

Брела по кельнским тротуарам
Жалка и все-таки мила
Согласна чуть ли не задаром
И под конец в пивную шла
Передохнуть перед кошмаром

А сутенер был полон сил
Еврей с Формозы рыж и розов
Он ел чеснок и крепко пил
И в заведенье для матросов
Ее в Шанхае подцепил

Я судьбы знал еще похуже
И по судьбе людей не мерь
Их жизнь листва в осенней луже
Но взгляды тлеют и как дверь
То наглухо то настежь души

[24] *Маризибиль (Мария-Сибила)* – легкомысленная девица, героиня кельнских народных песен, чье имя стало нарицательным.

МАРИ[25]

С годами всплывет ли опять
Тур вальса поры твоей школьной
И танец вернет тебя вспять
Какой был бы звон колокольный
Когда же Мари тебя ждать

Сменяется бал тишиною
И музыка так далека
Что стала почти неземною
Любилось бы легче влюбись я слегка
И боль моя в мире со мною

Укрыла овечьи стада
Зима в серебристую пряжу
Бьют зорю а я никогда
С изменчивым сердцем не слажу
И как я узнаю куда

Куда уплывут твои пряди
Барашков морских кружева
Куда уплывут твои пряди
И канет ладоней листва
Мой след хороня в листопаде

Бреду сам не зная куда
Со старою книгой над Сеной
А боль как речная вода
С ее бесконечною сменой
И дни мои словно года

[25] Стихотворение, написанное после разрыва с Мари Лорансен летом 1912 г., одновременно посвящено воспоминаниям о другом разрыве, с другой Мари Дюбуа, «Марей» из цикла «Ставло».

БЕЛЫЙ СНЕГ

О сколько ангелов над головой
Один одет как рядовой
В халате повара другой
И горний хор вокруг
Один как небо голубой
Весной ты будешь награжден с лихвой
Медалью солнца золотой
Медалью золотой
Ощипывает повар кур
Неодолимый
Снег и любимой
Нет меж моих простертых рук

СТИХИ, ПРОЧИТАННЫЕ НА СВАДЬБЕ АНДРЕ САЛЬМОНА[26] 13 ИЮЛЯ 1909 Г

Увидев с утра многоцветные флаги я не был ничуть удивлен
И себе не сказал мол опять нищету драпируют богатством
Мол под ложным стыдом демократия язвы скрывает
Мол хотят чтоб свобода листве подражала
О свобода природы последняя в мире свобода
Мол пылают дома потому что уходят из них навсегда
Мол взволнованно машут нам руки что завтра вернутся к станкам
Мол повесили тех чья проиграна жизнь
Мол опять обновляется мир и Бастилия пала
Нет его обновляют лишь те кто в поэзию страстно влюблен
И Париж оживлен многоцветьем знамен ибо женится друг мой Андре Сальмон
Встретились мы в дрянном погребке
Оба юнцами были
Оба курили обноски носили рассвет поджидали
А как мы слова любили чью суть изменить предстояло
И как мы обмануты были бедные бедные дети не умевшие улыбаться
Стол и два стакана на нем вдруг привиделись нам лицом умирающего Орфея
Стаканы скатились стаканы разбились И мы научились смеяться
И тогда мы пошли разбрелись кто куда пилигримы сомненья изгнанья
По дорогам земли по глухим перепутьям сознанья
А потом я увидел его у реки где качалась Офелия
Нежно белея в кувшинках как сон
Гамлеты бледной безумной толпою его окружали и он
Флейтой озвучивал странное это веселие
После я видел как он с мужиком умиравшим сидел размышляя о благодати
Видел как он восхищался снегом подобным нагому женскому телу
Видел как делал он то и другое вспоминая слова что мы так любили
Слова изменившие детские лица и я говорю это все наделен
Памятью и Предвидением ибо сегодня женится друг мой Андре Сальмон

[26] *Поэт Андре Сальмон (1881–1969)* был одним из ближайших друзей Аполлинера. Ассоциативный ряд стихотворения строится на том, что свадьба Сальмона состоялась накануне 14 июля 1909 г., когда отмечалось 120-летие Французской революции. По воспоминаниям поэта Филиппа Супо, Аполлинер написал эти стихи на империале омнибуса по дороге в мэрию (I-а, 1055). Сальмон интересовался Россией, бывал в Петербурге, что нашло отражение и в стихотворении Аполлинера.

Будем же радоваться но вовсе не потому что наша дружба была изобильной рекой
И плодородьем прибрежных почв которые могут вскормить любого
Не потому что наши стаканы снова смотрят на нас подобно умирающему Орфею
Не потому что мы так повзрослели что можно принять одно за другое наши глаза и звезды
Не потому что знамен многоцветье плещется в окнах довольных граждан которые вот уже больше столетья гордятся каждой мелочью быта и готовы живот положить за нее
Не потому что мы научились плакать и не казаться смешными не потому что умеем смеяться
Не потому что мы пьем и курим как прежде когда мы были юнцами
Будем же радоваться потому что силой внушенной огню и поэтам
Любовью наполняющей светом
Все Вселенную испокон
Любовью приказано чтобы сегодня женился друг мой Андре Сальмон

ПРОЩАНИЕ

Я сорвал этот вереск лиловый
Осень кончилась значит в путь
На земле нам не встретиться снова
Запах времени вереск лиловый
Но я жду тебя Не забудь

МЕРЛИН И СТАРУХА[27]

Светило в этот день лоснилось точно брюхо
Роженицы к тому ж кровоточа слегка
Кровавый свет заря ты мать моя по духу
Как менструальный сток сочились облака

На перекрестке где зимой цветет лишь роза
Ветров но без шипов Мерлин все сторожил
Теченье бытия его метаморфозы
В которых гибнул мир и воскресая жил

Старуха на осле под мантией зеленой
Спускалась вдоль реки развалистой рысцой
Меж тем Мерлин среди равнины оголенной
Бил в грудь себя крича Гляди соперник мой

О ледяной двойник чьей долей я встревожен
Чью солнечную плоть знобит при свете дня
Я Памятью любим Смотри мы с ней похожи
И нежно-жалкий сын родится у меня

Тут крик его сломил гордыню катаклизмов
Светило на плясу задрыгало пупком
Внезапная весна любви и героизма
Апрельский юный день влекла почти силком

На запад путь петлял равниной захламленной
Чернели кости трав торчал судьбы скелет
Под хмарью пирамид над падалью зеленой
Ветра носили шерсть и предсказанья бед

Влюбленная спеша вела осла шажками
И ветер ей легко оглаживал наряд
Любовники сплелись безумными руками
В касанье их перстов таился страстный яд

Она пустилась в пляс под ритм существованья

[27] *Старуха* – здесь: фея Моргана.

Крича Я жду века но ты не звал робел
Меня твоих светил смущали волхвованья
Моргана слушала взобравшись на Гибел[28]

Как сладко танцевать К тому же вот потеха
Мираж дрожит поет а злобные ветра
Слышней чем хрип луны зашедшейся от смеха
И робких упырей пугает их игра

[28] *Гибел* – по старинным преданиям, фея Моргана жила на горе Гибел (ит. Монджибелло – от арабск. «джебель»: гора – мифологическое название вулкана Этны на острове Сицилия); в ее замке находилось множество плененных ею юношей, которых она завлекала с помощью миражей («Фата-моргана»).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.